Накопление капитала и проблема империализма.

I.

Империализм в его современной формулировке — явление сравнительно новое. Прошло не более четверти века с тех пор, как он во всеоружии выступил на мировой арене. Поэтому, вполне естественно, теоретический анализ империализма не мог быть дан основоположниками научного социализма. Маркс умер в начале 80-х годов, когда, пожалуй, еще живы были традиции фритредерства мирного Манчестера, а в момент смерти Энгельса империалистическая фаза воинствующего капитализма лежала еще в пеленках. Между тем пролетарская тактика, которая строится на объективном учете реальной действительности и в частности реального соотношения общественных сил, властно требовала от идеологов марксизма теоретического анализа сущности, корней и тенденций развития новейшей фазы капиталистического господства.

Наиболее значительная работа в этой области была написана представителем „австро-марксистской" школы Рудольфом Гильфердингом. В качестве ученого с непомутившимся еще разумом и в качестве революционера, носившего некогда на плечах своих ясную марксистскую голову, он искал корней империализма не в прирожденной расовой ненависти, не в исторической миссии некоторых „великодержавных" наций и не в человеческих инстинктах вообще, как это делали некоторые буржуазные „философы", которые в своем усердии по части одурачивания широких народных масс договаривались до „пчелиных", „муравьиных", „древесных" и разного рода иных „империализмов". Гильфердинг перенес центр тяжести своего исследования на специфический характер экономической структуры новейшего капитализма. Он показал, что капитализм последней формации с его „безличным" капиталом, с его гигантскими частнопредпринимательскими монополиями, охватывающими нередко целые отрасли промышленности, со свойственным ему „сращиванием" промышленного капитала с банковым, которое создает своего рода единый хозяйственно-оперативный штаб, осуществляющий безраздельное господство над целыми капиталистическими странами, — неизбежно влечет за собой адекватную ему империалистическую политику, политику железа и крови, грабежа и насилия. Стремление отдельных стран к расширению и повышению таможенных перегородок, стремление к новым рынкам сбыта сырья, стремление к новым районам для экспорта капитала и вытекающая отсюда аргументация силою оружия — все это выводится

у Гильфердинга из специфического перерождения основной экономической ткани капиталистического общества.

Книга Гильфердинга (мы говорим, конечно, о „Финансовом капитале"), вышедшая в 1910 году, наделала много шуму в Австрии и Германии. Она встретила широкий отклик в среде марксистов и была принята ими, как теоретический базис, как прочная основа для построения новой тактики пролетарской борьбы. Лозунги циммервальдской левой, провозглашавшие неизбежность и необходимость превращения империалистической войны в гражданскую, упираются своими корнями именно в „Финансовый капитал", хотя автор его и скатился самым позорным образом в болото вечно „воздерживающегося", вечно колеблющегося „центра". „Финансовый капитал" в свое время не даром был окрещен славным именем „четвертого тома Капитала". В России книге Гильфердинга, вышедшей на русском языке в 1912 году, на первых порах не повезло. Но лишь только грянул гром войны, как русские марксисты жадно набросились на „Финансовый капитал", который немало содействовал укоренению в их среде интернационалистического духа.

Совершенно иное—тоже экономическое—объяснение империализма дала покойная Роза Люксембург. В 1913 году она выпустила большую работу под заглавием: „Накопление капитала. К вопросу об экономическом объяснении империализма"[1]). Книга эта вызвала много толков и, в общем, была встречена марксистской критикой довольно холодно. За исключением Фр. Меринга и Ю. Карского (Мархлевского), большинство рецензентов, в том числе А. Пannекук, О. Бауэр и Г. Экштейн, выступили против Розы Люксембург с обширными полемическими статьями. Объяснялось это, с одной стороны, неожиданно новой постановкой вопроса, с другой стороны, ошибочностью некоторых утверждений, на которых автор „Накопления капитала" строил свою теорию. В оценке Бауэра и Экштейна, несомненно, сыграли свою роль и соображения другого порядка: социал-демократический центр и в частности „австро-марксисты", вообще, не питали особых симпатий к радикализму „Красной Розы".

Сидя во время войны в тюрьме императора Вильгельма II и друзей его Шейдемана и К°, Роза Люксембург, превратившая борьбу против империализма в цель своей жизни, написала обстоятельный ответ своим критикам. Ей не пришлось, однако, увидеть свою последнюю теоретическую работу в печатном виде: 15-го января 1919 года она, освобожденная за пару месяцев до этого волею восставшего пролетариата, была зверски убита наемниками г-на Носке, а рукопись ее книжки („Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса")[2]) была напечатана лишь в 1920 году одним из ее друзей.

Русскому читателю названные работы нашего покойного товарища неизвестны до сих пор. Насколько мы знаем, по поводу „Накопления капитала" на русском языке не было написано ни одной статьи. Между тем эта книга представляет глубокий интерес и ни в малой мере не заслуживает забвения. Мы намерены поэтому познакомить читателя с основными идеями обеих названных книг Розы Люксембург и дать общую оценку ее теории.

---

[1]) Rosa Luxemburg. Die Akkumulation des Kapitals. Ein Beitrag zur ökonomischen Erklärung des Imperialismus, Stuttgart. 1913. Стр. 446. Книга эта переведена мною на русский язык и должна в ближайшие дни выйти из печати.

[2]) Die Akkumulation des Kapitals oder was die Epigonen aus der Marxschen Theorie gemacht haben. Eine Antikritik von Rosa Luxemburg. Frankes Verlag in Leipzig. Стр. 140. Эта книжка также переведена мною на русский язык, но по техническим причинам, видимо, не скоро выйдет в свет.

II.

Теория империализма, данная примерно за год до войны Розой Люксембург, не имеет ничего общего с теорией Гильфердинга, которая успела получить среди марксистов почти всеобщее признание. Характерно, что „Финансовый капитал" ни разу не цитируется в „Накоплении капитала". Роза Люксембург ищет и находит корни империализма не в специфической структуре новейшего капитализма, а в экономике капиталистического общества вообще. Она связывает империализм с проблемой расширенного производства или, что то же, с проблемой накопления капитала. Роза Люксембург исходит в своем анализе из знаменитых схем воспроизводства, данных Марксом в третьем отделе второго тома „Капитала". Ввиду того, что эти схемы, благодаря своей математической абстрактности, представляют значительные затруднения для широкого читателя, мы попытаемся изложить теорию Розы Люксембург, не пользуясь анализом II тома.

Возьмем „чистое" капиталистическое общество, состоящее только из капиталистов и рабочих. В таком обществе, представляющем из себя предел капиталистического развития, нет ни ремесленников, ни крестьян: все промежуточные слои, все самостоятельные товаропроизводители пролетаризированы, и перед нами абсолютное и исключительное господство капиталистического способа производства. Как всякое другое общество, оно ежегодно производит некоторый „совокупный общественный продукт", который при наличности товарного хозяйства принимает ценностную формулировку. Этот „совокупный" продукт легко себе представить, если предположить, что все товары, произведенные за данный год, снесены на один колоссальный склад, общий для всего капиталистического мира.

Каковы составные части ценности полученной таким образом „товарной каши"? На этот вопрос ответил в своем „Капитале" К. Маркс. В совокупный общественный товар входит, во-первых, постоянный капитал, т.-е. сырье, вспомогательные материалы и изношенные части машин, во-вторых, переменный капитал, т.-е. вынлаченная за данный период заработная плата и, наконец, в-третьих, прибавочная ценность. Первая составная часть, как известно, новой ценности не создает; не меняясь количественно, она в процессе производства переносит лишь свою ценность на изготовляемый товар; напротив того, переменный капитал не только воспроизводит себя в процессе производства, но создает и новую так называемую прибавочную ценность. Если мы для краткости условимся обозначать ценность вошедших в совокупный товар элементов постоянного капитала через с, переменного капитала через v, прибавочной ценности через m, то совокупная ценность товара может быть представлена формулой:

$$c + v + m.$$

c + v представляет собой сумму (рублей или часов общественного труда—безразлично), авансированную классом капиталистов в начале годового цикла производства. Хотя ее вещественные элементы и приняли в процессе труда другой облик, но с точки зрения ценностной она никаких изменений не претерпела. Другое дело— m: оно родилось только за данный период производства в силу эксплоатации рабочего класса и заключает в себе сумму всей чистой прибыли класса капиталистов, в целом, или „собирательного капиталиста", как выражается Маркс.

Прибавочная ценность m представляет собой прежде всего фонд для существования „собирательного" капиталиста; с точки зрения ве-

щественной она состоит в значительной своей части из лучших предметов продовольствия, одежды, роскоши и т. д., которыми наслаждаются сильные мира сего. Если состав m только этим исчерпывается, другими словами, если класс капиталистов потребляет всю прибавочную ценность, то мы имеем перед собой случай простого воспроизводства. Это значит, что общество должно вступить в новый производственный цикл, ассигнуя ту же сумму (v + m), что и в начале предшествующего цикла. Это значит, что производство протекает в одних и тех же рамках, с одним и тем же постоянным и переменным капиталом. Никакого расширения производства в этом случае быть не может, так как прибавочная ценность, которая только и могла бы быть источником для организации новых предприятий, целиком поедается классом капиталистов.

Простое воспроизводство характеризует застойное состояние общества. Оно свойственно не капитализму, а скорее предшествующим общественным формациям. Так, например, первобытная деревенская коммунистическая община на протяжении огромных периодов исторического развития топчется на одном месте, из году в год, проделывая один и тот же производственный цикл. Прирост населения делается тут возможным, не благодаря постепенному расширению производства, а путем „периодического выделения прироста населения и основания столь же крошечных и самодовлеющих филиальных общин“ [1]). Экономический, а, стало-быть, культурный прогресс возможен только в том случае, когда часть прибавочной ценности (resp.: прибавочного продукта) идет на организацию новых производственных единиц или на увеличение старых, т.-е. в случае расширенного воспроизводства. Без расширенного воспроизводства были бы немыслимы ни огромные ирригационные сооружения древнего Востока, ни египетские пирамиды, ни большие римские дороги, ни греческие искусства и науки, ни развитие ремесла и городов средневековья. Без превращения части прибавочного продукта (или в категориях капиталистического хозяйства—прибавочной ценности) в элементы, соответствующие новым массам постоянного и переменного капитала, общество было бы обречено на вечную спячку и вечный застой.

Мы сказали, что для капитализма характерно не простое, а расширенное воспроизводство, или накопление капитала[2]). Это объясняется, конечно, не тем, что капиталистический способ производства призван выполнять великую историческую миссию быть двигателем общественного прогресса. Более того, капиталисты вынуждены накоплять помимо своей воли. В самом деле, в капиталистическом обществе господствует неограниченная конкуренция. Каждый отдельный капиталист в погоне за прибылью, которая является единственным мотивом его „хозяйственной деятельности“, стремится захватить как можно больше покупателей, а последнее может быть достигнуто лишь путем удешевления товаров. „Но все методы, обещающие устойчивое понижение издержек производства товаров, т.-е. достигающие повышения прибавочной ценности сверх обычной нормы не путем уменьшения за-

[1]) При анализе процесса воспроизводства докапиталистических общественных формаций нельзя, конечно, говорить о капитале, ценности, прибавочной ценности и т. д. Все это—исторические категории капиталистического хозяйства. Понятиям этим в указанных формациях соответствуют адекватные им понятия средств производства, общественного продукта, прибавочного продукта и т. д. Это относится, конечно, и к коммунистическому обществу.

[2]) Накоплением капитала называется превращение прибавочной ценности или части ее в капитал.

работной платы, и удлинения рабочего дня, что, кстати сказать, натал кивается на разного рода затруднения,—сводятся к расширению произ водства. Идет ли речь об экономии на постройки и орудия производ ства, о применении наиболее продуктивных средств производства, прогрессирующей замене ручного труда машинами, или же о быстро использовании благоприятной рыночной конъюнктуры для приобретени дешевого сырья,—во всех этих случаях крупное производство имее преимущества над мелким и средним производством"[1]). Поэтому, если бы нашелся среди капиталистов чудак, который не претендовал бы на увеличение своей прибыли, то он все равно должен был бы расширять свое производство, ибо иначе он пал бы жертвой конкуренции и скоро сошел бы с арены рыночной борьбы: расширение производства таким образом, превращается для отдельного капиталиста в принудительный закон, в условие его хозяйственного существования. В капиталистическом обществе создается поэтому независимая от воли отдельных капиталистов „непрерывная тенденция к расширению производства, которая распространяется механически — непрерывно, волнообразно по всей поверхности частного производства".

Для расширения производства требуется прежде всего наличность известных технических предпосылок: добавочных средств производства и рабочей силы. Предположим, что эти предпосылки на-лицо. Кроме того, необходимо еще, чтобы капиталисты имели желание накоплять, чтобы они не превратились в расточительных феодалов времен упадка, которые только и думают о том, чтобы наиболее изысканным образом удовлетворить свои утонченные потребности. Но это „желание", как выяснено, дано самим характером капиталистического способа производства. Однако, наличности указанных технических предпосылок и воли к накоплению недостаточно для товарно-капиталистического хозяйства, ибо произведенные товары не распределяются организованным путем между членами капиталистического общества, а продаются тем, у кого есть деньги. Следовательно, для возможности расширенного воспроизводства требуется и увеличение платежеспособного спроса на излишек произведенных товаров. „Но откуда,—спрашивает Роза Люксембург,—исходит этот постоянно возрастающий спрос, который лежит в основе прогрессирующего расширения производства?" [2])

Тут мы подходим к центральному вопросу теории Розы Люксембург.

III.

На первый взгляд может показаться, что покупателями подлежащей накоплению части прибавочной ценности являются сами капиталисты, увеличивающие свое частное потребление. С точки зрения отдельного капиталиста это, конечно, так, ибо расширение спроса со стороны представителей господствующего класса на предметы роскоши являются для него „первоклассными условиями накопления". Но с точки зрения „собирательного капиталиста" это — абсурд. Правда, вместе с накоплением может возрастать и на самом деле возрастает личное потребление капиталистов, но оно, тем не менее, составляет лишь часть произведенной рабочим классом прибавочной ценности. Прокучивание всей прибавочной ценности является для класса капиталистов „чистейшим безумием", „экономическим самоубийством", „смертным грехом против

[1]) Rosa Luxemburg, Die Akkumulation des Kapitals, стр. 11.
[2]) Rosa Luxemburg, Die Akkumulation des Kapitals, стр. 104.

святого духа капитала" [1]), так как оно означает попросту отрицание накопления, т.-е. воспроизводство в прежнем масштабе. Стало быть, покупателями товаров, в которых воплощена рассматриваемая часть прибавочной ценности, не могут быть сами капиталисты.

Может быть, что искомыми покупателями являются рабочие. „Конечно, для отдельного капиталиста рабочий, если он платежеспособен, такой же хороший потребитель, т.-е. такой же хороший покупатель, как и капиталист, или еще кто-нибудь: в цене товара, который продается рабочему, отдельный капиталист точно так же реализует свою прибавочную ценность, как и в цене товара, который он продает любому другому покупателю" [2]). Но не так обстоит дело с точки зрения класса капиталистов, взятого в целом. В самом деле, рассуждает Роза Люксембург, класс капиталистов ассигнует рабочему классу строго определенную часть всего вновь произведенного им общественного продукта. Эта часть равна переменному капиталу, т.-е. сумме, выплаченной за данный год заработной платы. Стало быть, если рабочие покупают средства существования, то они этим самым возмещают классу капиталистов только полученную от него заработную плату. Сверх этой суммы они ни на грош купить не могут, как бы скудно ни были удовлетворены их потребности. Покупательная способность рабочего класса не может, таким образом, выскочить за пределы v. Рабочие в реальной действительности покупают товаров даже на меньшую сумму, поскольку они изредка сберегают часть своего заработка в надежде стать когда-нибудь самостоятельными товаропроизводителями. К тому же капиталистическое общество отнюдь не стремится к более широкому удовлетворению потребностей пролетариата. Оно заинтересовано только в том, чтобы воспроизводить в потребных ему размерах рабочую силу. Поэтому передача рабочему классу части его собственного продукта, сводящейся к социально допустимому для данного этапа исторического развития минимуму, является для класса капиталистов не больше, как печальной необходимостью. Значит, максимум того, что может быть куплено рабочим классом, равно v, т.-е. не потребленная капиталистами часть товаров, в которых воплощено m, ему абсолютно недоступна.

Но, ведь, даже в „чистом" капиталистическом обществе, кроме капиталистов и рабочих, есть еще врачи, присяжные поверенные, художники, ученые, попы, чиновники и т. д., которые, строго говоря, не могут быть отнесены ни к одному из основных классов капиталистического общества. Не они ли предъявляют спрос, который делает необходимым расширение производства? Но, поскольку мы говорим о представителях либеральных профессий, мы должны иметь в виду, что они получают покупательные средства в большинстве случаев прямо или косвенно из рук класса капиталистов, который уделяет им малую толику своей прибавочной ценности. То же самое относится к попам, врачам, бюрократии и военным, с той только разницей, что они получают часть своих средств из заработной платы рабочих. Перечисленные слои капиталистического общества принадлежат к так называемым непроизводительным элементам, и получаемые ими доходы носят производственный характер. „Эти производные... доходы, — говорит Маркс, — приобретаются их получателями посредством их общественной функции.

[1]) Rosa Luxemburg, Die Akkumulation des Kapitals oder was die Epigonen aus der Marxschen theorie gemacht haben, стр. 19.
[2]) Rosa Luxemburg, Die Akkumulation des Kapitals, стр. 105.

как королей, попов, профессоров, проституток, солдат и т. д., это дает им возможность видеть в своих функциях первичные источники соответствующих доходов" [1]. На самом деле это, как показано выше, не более, как фикция, так как потребление всех названных слоев включено уже в потребление капиталистов и отчасти рабочих. Следовательно, никакого самостоятельного спроса они предъявлять не могут.

„Но может быть,—спрашивает Роза Люксембург,—ответ на поставленный вопрос заключается в том, что естественный прирост населения создает этот возрастающий спрос" [2]. Тут речь может только итти о приросте класса капиталистов и класса рабочих. Но прирост класса капиталистов и без того предполагается возросшей абсолютной величиной, потребленной части прибавочной ценности. Остается проанализировать возможное влияние прироста рабочего класса. „Спрашивается, не означает ли естественный прирост рабочего населения в то же время и увеличение платежеспособного спроса по сравнению с размером переменного капитала. На этот вопрос приходится ответить отрицательно. В нашей схеме единственным источником денежных средств рабочего класса является переменный капитал. Следовательно, понятие переменный капитал наперед предполагает прирост рабочего класса. Стало быть, одно из двух: или заработная плата рассчитана так, чтобы она могла прокормить и молодое поколение рабочих,—тогда последнее не может быть вторично принято как основа для расширенного потребления; или же это не имеет места, тогда новые рабочие, молодое поколение, сами должны работать, чтобы получать заработную плату и средства существования, тогда это молодое поколение уже включено в число занятых рабочих. Следовательно, естественный прирост населения не может нам объяснить процесса накопления" [3])...

Поскольку мы находимся в рамках капиталистического общества, взятого в его чистом виде, у нас все же остаются как-будто покупатели нашего пресловутого товарного „излишка": мы можем предположить, что сами капиталисты раскупают этот „излишек" друг у друга, и притом не для того, чтобы употребить его в свое удовольствие, а для того, чтобы затратить его именно на расширение производства. Для этого товары, о которых идет речь, должны состоять не из предметов утонченного потребления капиталистов, а из разного рода средств производства и средств существования рабочих. Допустим, что это имеет место. В таком случае расширенное производство в следующем году выбросит на рынок еще больше товаров, чем за текущий год, и перед нами в еще более грозной форме станет все тот же вопрос: где найти покупателя для нового, еще большего „излишка"?

Итак, куда ни кинь, всюду — клин. Видимо, одно спасение — во внешней торговле. Но тут мы делаем методологическую ошибку. Во-первых, этим допущением вопрос не разрешается, так как затруднение не исчезает, а лишь переносится из одной страны в другую; во-вторых, наши рассуждения, вообще, относятся не к отдельным капиталистическим странам, а к мировому капитализму, как к единой хозяйственной системе. На это указал еще Маркс, когда он писал: „Мы отвлекаемся здесь от внешней торговли, при помощи которой нация (предполагается капиталистическая нация. Ш. Д.) может превратить предметы роскоши в средства производства и существования, или наоборот. Для того, что-

[1]) К. Маркс. Капитал, т. II, пер. Базарова и Степанова, изд. I, стр. 343.
[2]) Rosa Luxemburg, l. c., стр. 105.
[3]) Rosa Luxemburg, l. c., стр. 106. Курсив мой.

бы рассмотреть предмет нашего исследования в совершенно чистом виде, независимо от затемняющих дело побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать, как одну нацию (конечно, капиталистическую. Ш. Д.) и предположить, что капиталистическое производство укрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства" [1]).

Итак, мы можем вертеться сколько нам угодно, но мы и днем с огнем не разыщем в рамках „чистого" капиталистического общества тех общественных слоев, которые могли бы купить „излишний" товар и дать таким образом классу капиталистов основную предпосылку для превращения прибавочной ценности в деньги, и, стало быть, для накопления.

Роза Люксембург вынуждена обратиться к некапиталистическим слоям и странам.

IV.

„Реализация прибавочной ценности с целью накопления представляет собой в обществе, состоящем только из капиталистов и рабочих, неразрешимую задачу" [2]). Для того, чтобы капиталистическое накопление имело место, необходимо, чтобы были на-лицо такие покупатели товаров, заключающих в себе предназначенную для расширения производства часть прибыли, которые черпают свои покупательные средства не из прибавочной ценности и не из заработной платы, а из самостоятельного источника. Эти искомые покупатели должны удовлетворять следующим требованиям: они должны быть, во-первых, товаропроизводителями, т.-е. лицами, получающими покупательные средства в результате товарообмена, и, во-вторых, некапиталистическими товаропроизводителями, которые нуждаются, однако, в капиталистических товарах. Такого рода покупателей мы находим повсюду, так как рассматриваемое нами „чистое" капиталистическое общество, как некоторая предельная величина, есть абстракция, далекая от реальной действительности. На самом деле. Во всех странах, обладающих даже высокоразвитой крупной промышленностью, мы на-ряду с капиталистическими предприятиями в индустрии и в земледелии находим множество ремесленных и крестьянских хозяйств, которые отнюдь не могут быть причислены к капиталистическим. Далее, мы в самой Европе видим, на-ряду со старыми капиталистическими странами, страны с преобладающим крестьянским и ремесленным производством; таковы, например, Россия, Балканы, Испания, Скандинавия и др. Наконец, мы на-ряду с капиталистическими государствами Европы и Северной Америки сталкиваемся еще с „доисторическими" хозяйственными формами, начиная с первобытного коммунизма и родовой общины и кончая феодальным, крестьянским и ремесленным строем.

Между капитализмом и указанными слоями и странами с момента его рождения на свет устанавливается своеобразный „обмен веществ". Только этот обмен, по мнению Розы Люксембург, дает возможность капиталистическому обществу сбыть предназначенную к накоплению часть прибавочной ценности; только этот обмен обеспечивает его значительной частью необходимых ему продуктов и рабочей силы, ко-

---

[1]) К. Маркс. Капитал, т. I, пер. Базарова и Степанова, изд. I, стр. 543, 21я. Курсив мой.

[2]) Rosa Luxemburg, l. c., стр. 321. Курсив мой.

торая „освобождается", пролетаризируется в результате разрушения докапиталистических экономических формаций. Некапиталистические слои и страны являются таким образом питательной почвой капитализма, без которой его существование так же немыслимо, как органическая жизнь в безводной пустыне.

Но, вступая в обмен с некапиталистической средой, капитал сразу же наталкивается на значительные затруднения. Ему, во-первых, приходится иметь дело с натуральным хозяйством, которое, вообще говоря, исключает всякий обмен, и, во-вторых, с ограниченностью потребностей как патриархально-крестьянского, так и ремесленного производства. Тут капиталу приходится прибегнуть к „героическим средствам", к методам политического насилия. „В самой Европе его первым шагом является революционное преодоление феодального натурального хозяйства. В заморских странах его первым делом, всемирно-историческим актом его рождения является порабощение туземцев и разрушение традиционного общинного строя... Указанные методы выступают в качестве постоянных спутников накопления" [1]). Капитализм насильственным путем разрушает в отсталых странах первобытные натурально-хозяйственные и патриархально-крестьянские отношения. Теми же методами он „вводит" в Азии и в Африке товарное хозяйство, превращая аборигенов в покупателей капиталистических товаров. Массовым, ничем не прикрытым грабежом миллионов порабощенных людей, которые лишаются земли и вынуждаются к систематическому платежу чудовищных налогов, капитализм с невиданной быстротой стимулирует свое собственное накопление, а это с неизбежностью толкает его на „обмен веществ" с новыми „некапиталистическими слоями и странами". С самого начала истекшего столетия, рука об руку с указанными методами „цивилизации", идет экспорт капитала из старых капиталистических стран в новые районы, где он на развалинах примитивных хозяйственных форм находит себе новых покупателей и новые возможности для накопления.

Роза Люксембург в третьей части своей книги собрала огромный исторический материал, характеризующий кровавый путь победоносно шествовавшего капитализма. Эта часть ее работы отличается такой силой изложения, что некоторые места напоминают главу Маркса о первоначальном накоплении, главу, вписанную огненными буквами в историю человечества.

По мере того, как капитализм стирает с лица земли натурально-хозяйственные формации, по мере того, как он ставит на их место простое товарное хозяйство, которое он, в конце концов, заменяет собственными способами производства, он прогрессивно разъедает свою собственную питательную почву и условие его существования, кольцо некапиталистического „окружения", становится все уже и уже. „Но чем больше участие капиталистических стран в погоне за сферами накопления и чем меньше становятся те некапиталистические районы, которые открыты еще для мировой экспансии капитала, тем жесточеннее становится конкурентная борьба капитала вокруг указанных сфер накопления, тем в большей мере его экскурсии по мировой арене превращаются в цепь экономических и политических катастроф: в мировые кризисы, революции и войны" [1]). В этом и состоит империализм. Он является, таким образом, постоянным спутником капитализма, сопровождающим

[1]) Rosa Luxemburg, Die Akkumulation des Kapitals oder was etc, стр. 24. Курсив мой.

его на всем его историческом пути, но приобретающим все более ожесточенный характер по мере расширения капиталистических производственных отношений.

Развитие капитализма представляет собой своего рода диалектический процесс. Путем экспансии он создает себе условия накопления, т.-е. существования. Но он в то же время воспроизводит себя на все расширяющем базисе, разрушая те общественные формации, без которых немыслимо его развитие. В процессе своего роста, в процессе осуществления на земле „чистого" капитализма, буржуазное общество подрубает тот сук, на котором он сидит. Параллельно с этим он до крайних пределов обостряет классовые противоречия и международную хозяйственную и политическую анархию, так что восстание международного пролетариата против капиталистического господства становится неизбежным задолго до логического конца его развития. „Империализм является историческим методом для продления существования капитала, но он в то же время служит вернейшим средством, чтобы вести капитал по кратчайшему пути к цели и положить его существованию объективный предел. Этим однако не сказано, что этот предел обязательно должен быть достигнут. Уже сама тенденция капиталистического развития к этой конечной цели проявляется в формах, которые делают заключительную фазу капитализма периодом катастроф" [1]). Наступает момент, когда перед человечеством встает дилемма: гибель культуры или коммунизм?

V.

При оценке изложенной теории Розы Люксембург, мы прежде всего должны отметить, что империализм, с ее точки зрения, непосредственным образом связан с существованием капитализма на всех ступенях его исторического развития. Он представляет из себя не что иное, как процесс первоначального накопления, предшествующий каждому шагу капитала, идущего по пути расширенного воспроизводства. Концепция Розы Люксембург, таким образом, совершенно игнорирует тот огромный трансформационный процесс, через который прошел капитализм, превращаясь из анархической, свободно конкурирующей экономической системы, в систему монополистическую, более или менее организованную, по крайней мере в пределах отдельных капиталистических стран. Между тем ясно, что империализм в его современной формулировке ни в каком случае не стоит в стороне от таких явлений, как „обезличивание" и ассоциирование капитала и перенесение основной организационной функции класса капиталистов на заправил могущественных банковых концернов. А это заставляет нас искать ошибки в абстрактном анализе Розы Люксембург.

В обеих своих работах она в целях упрощения исследования все время предполагает, что расширение производства происходит в определенный физический момент. Кончился, скажем, годичный производственный цикл. Начав функционировать в размерах $(c+v)$, капитал по истечении срока дал ценность величиною в $(c+v+m)$, и перед ним становится задача реализовать m. Потребление всех продуктов, овеществленных в m, классом капиталистов невозможно даже в том случае, если предположить, что численность его в результате естественного прироста увеличилась: это было бы „смертным грехом против святого духа капитала". Не помогает и рабочий класс с его при-

[1]) Rosa Luxemburg, Die Akkumulation des Kapitals, стр. 425.

ростом, так как максимальная сумма его покупательной силы дана наперед размером совокупной заработной платы.

Все это, несомненно, безукоризненно с логической точки зрения, но только в предположении, что расширение производства есть ступенчатый процесс. На самом деле, как накопление, так и закупка рабочим классом средств существования идут непрерывно, обнаруживая, в общем и целом, устойчивую тенденцию к росту. Действительно, пусть пролетариат в целом получает еженедельно заработную плату в один миллион рублей. На эту сумму он естественно может купить ту часть общественного продукта, которая заключается в v. В качестве силы, реализующей хотя бы незначительную долю подлежащей накоплению прибавочной ценности, он выступать не может. Но стоит только предположить, что жизненные потребности рабочего населения в силу его естественного размножения за неделю увеличились на один процент и что оно, пользуясь недельным кредитом в мелочных лавчонках, закупило продуктов на добавочных 10.000 рублей,— и рабочий класс выступает перед нами, как существеннейший фактор капиталистического накопления. Капитализм сразу получает возможность реализовать некоторую долю „неподдающейся" сбыту части m, а, стало быть, и накоплять. Но нас могут спросить: а каким путем рабочие уплатят собирательному мелочному торговцу те 10.000 рублей, на которые они кредитовались и которые оказались спасительными для „чистого" кипитализма?

Ответ на этот вопрос совершенно ясен. Реализация части m вызывает накопление. Накопление означает введение в действие новых мертвых и живых производительных сил. Стало быть, число работающих в капиталистических предприятиях пролетариев увеличивается; в производство вовлекаются новые работники, которые черпаются, скажем, из подрастающего поколения потомственных пролетариев. Переменный капитал, вследствие этого, возрастает или, другими словами, денежная сумма, имеющаяся в данный промежуток времени в распоряжении пролетариата, как класса, увеличивается сверх той миллионной суммы, которою он, согласно нашему предположению, располагал в предыдущую неделю.

Другим могучим фактором, способствующим накоплению, служит капиталистическое государство. Будучи организацией классового господства, оно непрерывно закрепляет и воспроизводит капиталистические воспроизводственные отношения. Это достигается прежде всего при помощи насильственных методов политического угнетения, при помощи бюрократии, армии, полиции, тюрем и т. д. Буржуазное государство, вкупе с церковью, кроме того, занимается еще обработкой пролетарских голов. Но, выступая в качестве самой универсальной социально-экономической организации, буржуазии капиталистическое государство принимает на себя и некоторые функции производственного характера: оно организует почту и телеграф, прокладывает новые железные дороги, орошает безводные пространства, роет каналы, строит гавани и т. д., и т. п. Другими словами, буржуазное государство не только кормит миллионы непроизводительных бюрократии, но занимается и накоплением в экономическом смысле этого слова. Каким путем государство получает необходимые для этого „ценности" или соответствующие им вещественные элементы? Оно получает их в виде налогов, которые составляются, главным образом, из прибавочной ценности. Таким образом, капитализм в лице государства приобретает весьма крупного „потребителя", который присваивает себе часть общественного продукта и тем самым

освобождает капиталистов от неприятных поисков за покупателями, хоть некоторой части не поддающейся сбыту прибавочной ценности.

Итак, мы пришли к заключению, что теоретически процесс накопления или расширенного воспроизводства вполне возможен и в абстрактном капиталистическом обществе, состоящем только из буржуазии и пролетариата, не знающем никакого некапиталистического „окружения". Этот вывод находится, конечно, в противоречии с изложенной выше теорией и тем не менее работа Розы Люксембург имеет огромное значение, ибо выдвинутые ею некапиталистические слои и страны, поскольку они существуют, являются предпосылкой неограниченного накопления. На самом деле. Если прирост населения в идеализированном буржуазном обществе может быть базой для расширяющегося капиталистического сбыта, то последний все же крайне ограничен относительно медленным размножением людей. При „чистом" капитализме накопление то-и-дело наталкивается на объективные пределы, которых оно никак не может перескочить.

Любопытны некоторые цифры, которые дает статистика. Согласно последним, довоенным демографическим переписям, ежегодный прирост населения в капиталистических странах (которые, кстати сказать, с точки зрения абстрактно-теоретического анализа еще далеко не являются капиталистическими) составлял:

для Германии	1,41%
„ Австро-Венгрии	0,87%
„ Италии	0,63%
„ Румынии	1,50%
„ Европ. России	1,37%
„ Сербии	1,60%
„ Бельгии	1,03%
„ Нидерландов	1,38%
„ Англии с Шотландией и Ирландией	0,87%
„ Соед. Штатов Сев. Америки	1,90%
„ Франции	0,18%

Но здесь нужно подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, указанный процент естественного прироста населения в ряде перечисленных стран составляется в значительной мере из более быстрого естественного прироста некапиталистических слоев, так что размножение капиталистического населения (потомственных капиталистов и потомственных пролетариев) идет еще медленнее, чем это показывают приведенные цифры. Во-вторых, рост денежной заработной платы всегда медленнее роста рабочего населения, который, на наш взгляд, может стимулировать накопление. Уже Маркс указал тот факт, что по мере развития капитализма органический состав капитала повышается. Это, в конечном счете, означает технический прогресс, т.-е. повышение производительности труда, которое идет на пользу классу капиталистов. А отсюда вытекает, что если рабочее население дает ежегодный естественный прирост, скажем, в 3%, то прирост заработной платы, взятой в ее совокупности, будет ежегодно возрастать на последовательные величины членов такой, например, арифметической прогрессии: 3%, $2^{15}/_{16}$%, $2^{14}/_{16}$%, $2^{13}/_{16}$%, $2^{12}/_{16}$%, $2^{11}/_{16}$%, и т. д.

Следовательно, если бы капиталистическому обществу пришлось ограничиться одной только капиталистической средой, то накопление могло бы протекать в самых незначительных размерах. Германскому капитализму удалось бы достигнуть тех успехов, которые он сделал в

действительности, разве только в продолжение нескольких столетий, а французский капитализм вырождался бы вместе со своим населением. Между тем „полнокровный“ капитализм объективно требует широчайшего размаха, и весь мир неизбежно превращается в арену его невиданной экспансии.

Именно, с этой точки зрения, оба цитированных исследования Розы Люксембург бросают яркий свет на проблему империализма.

Ш. Двойлайцкий.